

Оказалось, его звали ФернандеФлоресДоротео...

На меня с фотографии смотрел смуглый человек. У него широкий нос. Густые черные волосы, распадающиеся на две стороны, образуя естественный пробор. Смотрю на фотографию похожего человека, чудом сохранившуюся в нашем скудном семейном «архиве». Лицо точно такое же. На нашей фотографии у этого человека лицо более светлое, но тоже смуглое. Так же волосы распадаются на обе стороны, такой же широкий нос.

Смотрим на другие архивные материалы, которые удалось сыну найти в РГАСПИ* вместе с фотографией ФернадесаФлоресаДоротео. Краткие биографические данные в его «деле». Коммунист, подполь-

* Российский государственный архив социально-политической истории.

щик. Имеет партийную «кличку» — Хорхе и фамилию на американский лад. Автобиография в его открывшемся файле написана на испанском языке. Не прочесть.

В «деле» указано, что решением партийной ячейки мексиканской компартии посылается в СССР для подготовки к политической борьбе в своей стране.

Я никогда не верил, что это возможно. Мой уже взрослый сын спрашивал про моего отца. Сбивчивые, не всегда ясные воспоминания моей старенькой мамы возбуждали в ее внуке интерес к моему происхождению. И к своему собственному. Особенно, когда мы все вместе рассматривали старую фотографию, которая в рамке висела над моим письменным столом.

Меня же — сына того человека, что на нашем фото — потрясло то, что тот, о котором я слышал неотчетливые воспоминания мамы, якобы его жены, на самом деле существовал.

Значит, я не известно откуда взявшийся сын, в анкете которого в строчке «отец» был прочерк.

Значит, он есть, был, смутные воспоминания о нем остались в памяти моей мамы. Как жаль, что она не дожила до этого дня, когда бы могла увидеть этого ФернандесаФлоресаДоротео, ее мужа, которого она знала и звала Георгием, по-испански Хорхе. Случись это незадолго до смерти, выдержало ли бы ее сердце, старой, много пережившей, тяжело трудившейся все это время «незамужней» женщины, матери-одиночки, как говорили тогда. Она мало что знала о его прошлой жизни. Он скупно рассказывал о себе, так мало, что с годами, ослабев памятью, она мало что могла вспомнить о человеке по имени Хорхе. Он тогда сказал ей, что можно звать его русским именем Георгий. Поэтому-то и внука она просила нас с женой назвать Георгием. В честь деда, Хорхе, которого она никогда не забывала.

... В поселке Текстильщики, тогда окраине города, деревянные двухэтажные дома, оштукатуренные и покрашенные краской неопределенного цвета, были расположены полукругом. Этот полукруг был нашим двором. Нашим, потому что это был наш мальчишеский мирок. Все лето мы проводили здесь. Играли в салочки, лапту, городки. Но чаще всего в войну. Она только что закончилась. Зимой заливали каток и гоняли шайбу. Шайбой была консервная банка из-под «сгущенки» — сгущенного молока. Из того, чем снабжала нас, нашу страну, Америка по ленд-лизу. Так говорили взрослые.

Как сейчас помню. Одного из ребят звали Коровой. Может быть, потому, что его имя было Вова. Отсюда: Вова-Корова. Его младшего брата нарекли Индейцем — не знаю почему. Был Вова Гольдберг, Ваня Богданов, по прозвищу Вач-Вач. Его отец был Иван Михайлович. Сына назвали в его честь Иваном, а маленький он называл себя Вач-Вач, что должно было означать Иван Иванович. Еще был Гарик, он

был одноногий. Ему в раннем детстве отняли ногу, мы, мальчишки, не знали почему. Но он, видимо, с этим недостатком свыкся — почти ни в чем не отставал от нас. Гонял с нами шайбу. В футбол стоял на воротах. И даже, скача на одной ноге, играл в волейбол. Еще были другие мальчишки, но их имена в памяти не остались. И я... Меня звали по-всякому. За смуглость почему-то конголезцем, татаринном, евреем, а взрослые просто говорили: «Не нашей расы».

Потом я получил другое прозвище. И вот как это было.

В одном из домов появился боксер. Был он намного старше нас, мальчишек. Молодой, белотелый, как женщина. С выпуклыми мускулами, которые шарами перекатывались под белой кожей его рук и груди. По утрам он выходил на зарядку. Мы видели, как он вставал в боксерскую стойку и кулаками дубасил воздух, уклоняясь в разные стороны от нападений невидимого соперника. Мы собирались в стайку и с восхищением смотрели на эту сцену.

Однажды мы увидели, как он едва не избил Крупеню. Фамилия у того была Крупенин, потому и прозвище соответствующее. Он был такой же молодой парень, как и боксер. О чем-то они повздорили. И Боксер, мы так и не знали, как его зовут, с кулаками и в боксерской стойке пошел на Крупеню. Мы думали, будет настоящий бой, но Крупеня выставил перед боксером свои большие ладони и отступал, говоря что-то примирительное. А Крупеня был высокий и толстый парень.

Вот бы нам быть такими, как боксер, думали мы.

Этот боксер, видимо, от нечего делать сбил из нас компанию и стал учить боксу. Раздал нам полуперчатки, прикрывавшие только перед кулаков, в которых мы сжимали тесемку. То есть это были не настоящие боксерские перчатки, а только их половина, которая защищала от удара костяшками наших кулачков. Устраивал соревнования, что-то вроде турнира с выбыванием от поражения. Сам был рефери. Так звали судью в боксе, узнали мы.

Мне нравилось боксировать. У меня получалось. Если только соперник был не на много старше меня. Боксер, наш тренер, заметил мое увлечение, стал намеренно ставить меня против старших. Дубасили меня здорово. Но я терпел. Уступать не хотел. «Хорош!» — кричал Боксер, когда у меня из носа начинала течь кровь. А мне хотелось продолжать. «Из тебя выйдет толк, парнишка», — говорил наш тренер. «Ты похож на мексиканца. Хорошо держишь удар». С тех пор меня во дворе мои мальчишки звали уже не татарин, не еврей, а мексиканец. Это прозвище я помнил долго. В жизни много было «ударов». Но оно помогало их «держат».

Потом боксер куда-то уехал, на дворе мы его уже не видели. И боксировать перестали.

Безотцовщина трудное испытание для ребенка. Я завидовал тем ребятам, у которых были отцы, вернувшиеся с войны. Они показывали

мне их медали, ордена. Мне нечего было показывать. Моя мама не могла мне толком объяснить, где мой отец. Она или ничего не знала о нем, или очень мало, или чего-то не договаривала. Этот вопрос долго мучил меня. Однако со временем он забылся. В документах, где значилось «отец», был прочерк. Прочерк, так прочерк...

Когда мне исполнилось шестнадцать, мама сказала в паспортном столе, что по отчеству я Георгиевич. Не Хорхеви́ч же. Так стал вполне полноценным человеком. С прочерком в графе отец разных бумаг, которые мне пришлось заполнять, я и прожил всю свою жизнь.

В молодости прочел рассказ Джека Лондона «Мексиканец». Тоже про боксера, стойко сносившего удары. Было за что — за ружья для повстанцев, для борьбы с гринго. Так мексиканцы звали своих соседей американцев. Читал с упоением. Вспоминал, что прозвище мое в детстве было Мексиканец.

Потом в свое время родился сын. Мама хотела, чтобы мы с женой называли его Георгием, в память о ее бесследно пропавшем муже. Рождение внука на короткое время оживило ее память. Она поведала нам тогда, что провожала мужа с Виндавского вокзала* с ребенком, мною, на руках. Что Хорхе плакал, говорил, что не может сейчас ее с сыном взять с собой. Но непременно, когда это можно будет сделать, заберет. Сказать о каких-либо деталях этого расставания — куда едет, почему едет, напишет ли, будет ли писать... сказать она не могла. Давно это было. В памяти ее остались разрозненные кусочки того события.

Когда сын подрос и понял, что моя мама ему бабушка, стал спрашивать, а где дедушка. Мы показывали ему фотографию, сохраняемую как единственное доказательство, что был у бабушки муж, ему дедушка, а мне отец. Что его давно уже нет. Что звали его Георгий, по фамилии, кажется, Майкот,— вспомнила мама, и сын назван так в честь деда. Вот почему, говорили мы ему, ты тоже Георгий.

Сын рос, и рос его интерес к истории нашей семьи. Иногда мне приводилось застать его, разглядывающим фотографию, что в рамочке висела над моим письменным столом. Мальчик он был смуглый, но светлее, чем я, а я был светлее, чем тот на фотографии.

Времена изменились. Изменилась и усложнилась жизнь. Она стала более современной. Появился Интернет. Мобильные телефоны. Можно было получить практически любую информацию по любому почти вопросу. Сын во всем этом преуспел. Часто мне приходилось прибегать к его помощи, потому что Интернет меня «не слушался». Не вся-

* Рижский вокзал (до 1930 — Виндавский, до середины 1930-х — Балтийский, до 1946 — Ржевский) — пассажирский терминал станции Москва-Рижская. Один из девяти железнодорожных вокзалов Москвы, расположен на Рижской площади, на пересечении проспекта Мира и улицы Суше́вский Вал. Материал «Рижский вокзал» — из Википедии — свободной энциклопедии.

кую операцию я мог выполнить сам. Нередко терял набранный текст. «Чайник», одним словом, как стали называть мне подобных айтишники, которые со Всемирной сетью на «ты». Сын был айтишником.

Заметил, что взрослый сын стал проявлять интерес к некоторым сторонам истории нашего государства. Он прочитал «Архипелаг Гулаг». Купил книгу Ефросинии Керсновской. В этой книге были рисунки автора, на которые было тяжело смотреть. Иногда он делился со мной прочитанным. Мой интерес к обрушившейся тогда на нас информации был индифферентный — да было, очень давно. Зачем старое ворошить. Надо жить настоящим.

Неугомонный сын стал все настойчивее расспрашивать меня о моем отце. Мама моя к тому времени умерла. Она мало что знала о своем муже, а я еще меньше о своем отце... Самые крохи событий нашей маленькой семьи о тех далеко в прошлое ушедших годах. По правде сказать, меня пугало, что в прошлом было что-то необычное, может даже страшное. Я не поощрял интерес сына к семейным «тайнам», но и не отговаривал от поиска.

— Смотри, что я нашел в архиве — однажды сказал он и выложил передо мной на экране ноутбука картинку. Несколько снимков одного и того же человека, смуглого, с широким носом...

— Когда я узнал, что он Фернандес Флорес Доротео с партийной кличкой Хорхе Майкот, у меня руки задрожали,— сказал сын.

Это был он. Тот, что в рамочке на фото висел над письменным столом, и которого мы рассматривали всей семьей, ища сходство с кем-либо из нас — с сыном, со мной.

— Что дальше будешь делать? — спросил я.

— Я заказал в архиве перевод с испанского на русский его автобиографии, написанной им самим. Ты что будешь делать?

— Жить дальше, как жил... Может, сменить отчество? — пошутил я.— Вместо Георгиевич называться Фернандесович, Флоресович или Доротеович.

Что еще я мог сказать...